

В.А. Суханов

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК В СТРУКТУРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ: «ОТБЛЕСК КОСТРА» И «СТАРИК» Ю. ТРИФОНОВА

Аннотация. *Исследуется характер использования и функционирование личного дневника в структуре документального и художественного повествования. На материале повести Ю. Трифонова «Отблеск костра» выявляются место и роль дневниковых фрагментов в столкновении с другими документами того времени, их участие в создании исторического многоголосия прошлой эпохи, интерпретируется трансформация введения дневниковых записей в художественный текст романа «Старик», выявляется общее и особенное в их использовании в зависимости от авторского задания и жанровой семантики.*

Ключевые слова: Ю. Трифонов, личный дневник, документальное, художественное, авторское задание, жанровая семантика.

Шестидесятые годы XX в. – переломные в творческом развитии Ю. Трифонова, что связано с формированием историзма как качества художественного мышления писателя. Документальная повесть «Отблеск костра» (1964, опубл. 1965) – первая для писателя попытка постижения исторической правды о революционном поколении начала XX в., к которому принадлежал и отец Ю. Трифонова; в ней личное отношение автора к материалу мотивировано стремлением понять время и судьбу своего отца, Валентина Трифонова. По мнению В. Кардина, «“Отблеск костра” – книга, определившая писательское предназначение Ю. Трифонова. Без нее, уверен, ему бы не написать остальных...» [1. С. 24]. Повесть появляется в контексте общей установки литературы конца 1950–1960-х гг. на достоверность [2. С. 209], которая определяет освоение новой социальной ситуации одновременно с переоценкой недавнего прошлого, активное проникновение в словесность документального и личностного, аналитического и лирического принципов изображения реальности [3. С. 12–133].

Активное теоретическое осмысление этих взаимоотношений начинается на рубеже 1960–1970-х гг.¹ [5–9] и до сих пор остается дискуссионным, о чем свидетельствуют как результаты круглого стола «Литература и документ: теоретическое осмысление темы» (2008) в Институте мировой литературы им. А.М. Горького [10], так и публикации последних лет, посвященные проблемам взаимодействия документального и художественного [11–13]. Из реального многообразия дневника как жанра документальной прозы в литературоведении на материале XIX–XX вв. по преимуществу исследуется тип писательского (литературного) дневника [14] в то время как личный (естественный) дневник, его специфика, функции, использование в документальной и художественной литературе еще не стали предметом обстоятельного научного изучения [15], хотя попытки его изучения были предприняты лингвистами в рамках исследования естественной письменной речи [16]. Применительно к прозе Ю. Трифонова проблема документально-фактической основы была поставлена в двух диссертационных работах [17, 18], но в выбранном нами аспекте исследования осталась неосуществленной.

Замысел «Отблеска костра», по-видимому, можно отнести к концу 1950-х гг., о чем свидетельствует запись в дневнике Ю. Трифонова от 25 января 1957 г.: «Мне страшно хочется написать что-нибудь, – пусть не книгу, рассказ, очерк – о днях революции, об отце. Почему-то боюсь браться за эту тему» [19. С. 264]. Работа над повестью начинается в начале 1960-х гг. и проходит параллельно с работой над романом «Утоление жажды».

У повести непростая издательская история: «при жизни Ю.В. “Отблеск костра” не переиздавался» [19. С. 411]. В четырехтомном собрании сочинений повесть приводится в варианте первоначальной публикации, вышедшей в 1966 г. отдельной книгой и предназначенной для русских читателей. В этом варианте текст содержит один эпиграф из «Варшавянки» (автор В. Свенцицкий, перевод Г.М. Кржижановского): «В бой роковой мы вступили с врагами, / Нас еще судьбы безвестные ждут...» [20. С. 7]. Эпиграф связан со

¹ Подробнее см. об этом см.: [4. С. 300–314].

сверхзадачей автора – написать «...не только о своем отце, а о многих, многих, о ком я даже не упомянул. Их было очень много, знавших отца, работавших рядом, похожих на него» [20. С. 143]. Эпический по своей сути замысел объединяет несколько существенных моментов в понимании этого поколения революционеров: характерное для них контрастное восприятие мира («свои» / «враги»), принятие существования как борьбы («бой роковой»), общность судьбы и ее неизвестность («нас еще судьбы безвестные ждут»).

Другой вариант повести, расширенный, был опубликован на французском языке: «Трифонов говорил мне, что “Le reflet du brasier” значительно более полный вариант текста, чем русский...» [21. С. 218]. Второй эпиграф, дополняющий первый, впервые появляется в русском издании повести, выпущенном в библиотеке журнала «Дружба народов» в 1989 г.: кроме второго эпиграфа в него вошел и эпилог, отсутствующий в тексте четырехтомника. Второй эпиграф из пьесы Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца» вводит отношение и оценку автора к нравственному смыслу жизни своего отца: «...ни одна душа не может сказать про него ничего дурного».

Семантика двух эпиграфов выражает авторское стремление соединить в структуре документального повествования эпическое («мы») и индивидуальное (судьба отца). «...Начиная работать над книгой “Отблеск костра”, я не предполагал, что настолько увлекусь документальной прозой. Пожалуй, ни одну свою вещь я не писал так жадно, с таким волнением» [22. С. 476]. Создать эпический образ декларировавшего свою общность поколения («мы»), изображая один характер и одну судьбу, было невозможно, что понимал и сам писатель: «В работе над документальной прозой писатель, как ни в каком другом жанре, нуждается в помощи людей – очевидцев, историков, лиц, владеющих документами, дневниками, фактами...» [Там же]. В тексте повести эта установка обозначена рассказчиком следующим образом: «В том, что написано ниже, нет стройного рассказа, нет подлинного охвата событий и перечисления важных имен, необходимых для исторического повествования, и нет последовательности, нужной для биографии» [20. С. 8]

Ю. Трифонов ведет реконструкцию фрагмента истории с опорой на различные типы документов, которые по способу репрезентации представлены тремя группами текстов: 1) цитируемые; 2) упоминаемые; 3) цитируемые и упоминаемые. Фронтальный анализ всех текстов позволил установить, что всего в авторское повествование введено 115 вставных текстов.

В жанровом отношении цитируемые тексты представлены: 1) художественными произведениями (проза и стихи); 2) воспоминаниями участников событий и свидетелей времени; 3) разного рода протоколами; 4) телеграммами; 5) записками; 6) приказами, 7) листовками; 8) докладами; 9) записями разговоров по прямому проводу; 10) автобиографиями; 11) политическими статьями; 12) постановлениями; 13) научными текстами; 14) публицистическими текстами; 15) разного рода письмами и письменными свидетельствами; 16) записями из блокнотов; 17) речами; 18) решением суда; 19) отчетами; 20) энциклопедическим словарем; 21) речами; 22) дневниковыми записями Павла Лурье. Объем и разнообразие привлеченного фактического материала связаны с гносеологической и этической позицией писателя: «написать правду, какой бы жестокой и странной она ни была. А правда ведь пригодится – когда-нибудь...» [20. С. 45]; «...ничто не добывается с таким трудом, как историческая справедливость» (разрядка автора. – В.С.) [Там же. С. 140].

Преодолеть эмпиризм материала Ю. Трифонову помогает этическая фокусировка документального расследования – категория судьбы, организующая не только аксиологию субъекта повествования, но и организацию текстов в повествовании: от эпиграфов, заявляющих тему судьбы, через ее последовательное развитие в элементах вставных и основного текста до эпилога: «Я пишу книгу не о жизни, а о судьбе» [Там же. С. 143]. Судьба в этике писателя этого периода понимается как результат нравственного самоопределения и выбора личности в социально-исторических и политических обстоятельствах своего времени.

В структуре документов особое место принадлежит личному дневнику дяди Ю. Трифопова Павла Абрамовича Лурье как по

статусу (интимный), жанровой семантике (полиинтенциональность, автокоммуникативность, конструирование Я-образа), так и по значимости для писателя, о чем свидетельствует использование этого дневника в художественном повествовании, в частности в романе «Старик». Об особом статусе дневниковых записей в структуре документального повествования свидетельствует их выделение курсивом (отметим, что курсивом в тексте также выделены фамилии авторов приводимых документов). Особое значение дневниковых фрагментов создается и контрапунктной композицией: фрагменты дневника приводятся в разных частях повествования, не как автономная целостность, а в столкновении с другими документами того времени, создавая многоголосие прошлой эпохи.

Возникает возможность исследовать проблему функционирования личного дневника в документальном повествовании наряду и в отличие от других документальных включений. Другая задача статьи – интерпретировать трансформацию введения дневниковых записей в художественный текст (роман «Старик»), выявить общее и особенное в их использовании в зависимости от авторского задания и жанровой семантики.

Повествовательный уровень документальной прозы характеризуется максимальной приближенностью субъекта речи к уровню сознания автора-демиурга, поэтому важны установка, которая определяет отношение рассказчика к используемым дневниковым записям, выбор записей, включаемых автором-демиургом, и логика расположения материала. В «Отблеске костра» неравномерность распределения всего цитируемого документального материала соответствует логике сюжета: по мере приближения к трагическому финалу судьбы отца (арест и расстрел) нарастает включение сугубо деловых документов.

Рассказчик характеризует несколько принципиальных моментов, важных для понимания личности автора и типа дневника:

1. Возраст (14 лет), социальное положение («учится в пятом классе... коммерческого училища»), условия его формирования («вырос в революционной семье») [20. С. 48].

2. Отношение автора дневника к фиксируемому (безоценочность): «Дневник Павла военных лет напоминает судебной журнал, где тща-

тельно отмечено передвижение корабля, но ничего не сказано о мыслях и переживаниях команды и пассажиров» [20. С. 75].

3. Характер записей, их обусловленность социальными обстоятельствами.

Ср.: «Он писал каждый день, очень сухо, по-деловому, ибо, к счастью, не обладал склонностью к литературе. Но каждый день! <...> О событиях февральской революции он писал подробно и длинно, это было то, что потрясло, что сразу нарушило весь ход жизни, но потом, когда после июля партия ушла в подполье... записи делались все скупее, оборванной» [Там же. С. 48].

«Недавний петроградский школьник со старательностью Нестора продолжал вести запись всех происходящих событий – и больших и малых» [Там же. С. 75].

«Но ценность дневника заключалась в том, что записи делались с замечательной регулярностью в течение четырех лет: с начала семнадцатого года до двадцать первого года» [Там же].

4. Установка на имплицитного читателя, которая в личном дневнике определяет характер записей (предмет, тип и способ изложения, оценку).

Ср.: «...он повторял сведения, которые слышал от взрослых, и знал при этом, что можно доверять дневнику, а что нельзя: иногда не договаривал и шифровал, повинуюсь законам конспирации» [Там же. С. 48].

«...Павел, как опытный, несмотря на молодость, конспиратор, не стал бы доверять эти важные соображения своему дневнику» [Там же. С. 79].

Выделенные характеристики позволяют понять особенности используемого личного дневника: хроникальность, безоценочность, ослабление интимности, исповедальности, авторефлексивности, конструирования собственного Я, связанные с установкой на возможность прочтения дневника потенциально чужим сознанием. Это подтверждают и не включенные в повесть записи дневника П.А. Лурье, которые приводит О.Р. Трифонова-Мирошниченко:

10 января 1920 г. «Стрельбище. Пулеметы Гочкинса, карабины и револьверы... Выборы в Саратовский горсовет. Взят Ростов» [19. С. 476].

12 марта 1920 г. «Манифестация в Ростове по случаю третьей годовщины низвержения самодержавия... Убежала лошадь Лебедь» [19. С. 477].

Таким образом, в документальной повести рассказчику принципиально важен личный дневник Павла не как жанр, направленный на конструирование Я-образа автора дневника, не как форма самосознания, а как свидетельство очевидца, хроникера событий, беспристрастно фиксирующего происходящее, т.е. фактическая достоверность и объективность изложенного в дневниковом повествовании.

Именно по этому основанию дневниковые записи противопоставлены в общей концепции документальной повести другим воспоминаниям: «Обо всем этом писали много, страстно, по-всякому <...> Все эти воспоминания, записки очевидцев... имели одну общую черту: оценку того, что было, с позиций сегодня. Чем более проходило время, тем рассудительней становились оценки» [20. С. 46].

Гетерогенность жанра личного дневника как его атрибутивное свойство (разнородный характер записей) преодолевается, «снимается» автором «Отблеска костра», что проявляется в отборе записей определенного периода и характера. Всего в текст повести вводится 22 дневниковых записи Павла Лурье за период с 1917 по 1920 гг., они цитируются 18 раз, две записи упоминаются рассказчиком, а две записи пересказываются в зависимости от того, какую роль отводит им автор в общей структуре текста документального повествования.

Первая группа из дневников П. Лурье (10 записей) относится к событиям 1917 г.: февраль (3 записи), март (3 записи), апрель (2 записи), октябрь (2 записи).

Первые четыре фрагмента этой группы приводятся один за другим и имеют точную датировку. Все они связаны с событиями февраля–марта и апреля, т.е. с периодом буржуазной революции, и включаются в текст документального повествования после размышлений рассказчика о взаимоотношениях времени и искусства: «Время обладает этой странной силой: даром художественности. Дневники, письма, деловые записки, судебные протоколы и воен-

ные реляции с ходом лет приобретают неожиданные свойства. В старых и немудреных словах, сказанных когда-то мимоходом, по делу, кристаллизуется поэзия. Со словами происходит то же, что с химическими элементами: распадаясь с течением времени, они возрождаются к новой жизни в другом качестве» [20. С. 47]. Контекст предполагает, что записи дневника будут прочитаны как «кристаллизованная поэзия» времени.

Первая приводимая запись, с одной стороны, событийная, о чем свидетельствуют перечислительная интонация, обилие глаголов действия: «Я зашел домой, оставил книги, сказал, что вернусь к 5 часам и пошел к Гене. Мы решили пройти на Петроградскую сторону, посмотреть трамваи, которые повалили забастовщики. Шел мелкий снег, было –6. Мы пошли по Среднему пр. На улице маленькие мальчики устроили драку, кричали: “Бей казаков!” Везде у лавок хвосты. Трамваи не идут. Вместо трамваев некоторые ломовики развозят людей. Мы перешли через мост, через Марсово поле и скоро дошли до Невского. На Невском масса народа, все идут по направлению к Знаменской пл. Мы с Геней пошли туда» [20. С. 49]. С другой стороны, дневниковая запись создает картину наступившего социального хаоса, в котором никто не знает, как следует поступать.

Вторая запись, датированная 28 февраля, фиксирует трансформацию хаоса: попытку силового наведения порядка существующей властью («По всему Васильевскому острову идет стрельба. Городовые засели на чердаке и стреляют из пулеметов») и попытку самоорганизации жизни («В нашем доме организуется домовый комитет...») [Там же. С. 51].

Третья запись, от 4 марта, должна показать логику появления политической силы, способной преодолеть социальный хаос: собрание социал-демократов, доклады Совета рабочих депутатов, факт личного посильного участия в деятельности этой организующей силы (развоз партийных газет и как итог: «Я записался в партию» [Там же. С. 52].

Рассказчик комментирует личный политический выбор автора дневника: «Авторитет Павла внезапно вырос: еще бы, он свой человек в районном Совете, у него друзья матросы, с боевым крон-

штадцем В. Панюшкиным он развозит брошюры и газеты, а его сосед по квартире В.А. Трифонов работает в Петроградском Совете...» [20. С. 52–53].

Четвертая запись датирована 3 апреля, она дает лидера ключевой организующей силы: «Мы поехали встречать Ленина и других эмигрантов, которые приехали из Швейцарии» [Там же. 53]. Четырнадцатилетний Павел позволяет себе в этой записи выразить и субъективные эстетические впечатления: «Было очень красиво, масса знамен, освещенных прожектором. Было тысяч 30 народу» [Там же. 54]. Она обнаруживает замороженность сознания Павла происходящим, понимание необычности события. Продолжение записи 4 апреля посвящено общему собранию социал-демократов, участников Всероссийского совещания Советов. Рассказчик, который из другого времени видит не социальную, а историческую значимость момента, вынужден прокомментировать эту запись, одновременно выражая и свою оценку события: «Он записал скупое, пожалуй, чересчур скупое. <...> Конечно, автор был слишком юн, чтобы по-настоящему оценить всю важность этого дня и выступления Ленина. История России и, может быть, мира в этот день качнулась круто» [Там же. С. 55].

Далее в собственном слове и с опорой на другие документы рассказчик характеризует период до октября 1917 г., показывая большую организационную роль отца в создании Красной гвардии и его взаимоотношения с Военно-революционным комитетом, обеспечившим в октябре 1917 г. поддержку восстания гарнизоном Питера.

В этом контексте даны следующие две записи из дневника Павла – от 24 и 25 октября 1917 г. Они, как и первые, носят хроникальный характер, что связано со степенью участия Павла в событиях и характеризуют, с одной стороны, детали повседневности, бытовой жизни («Встал в 8.20. В училище 5 уроков... учил историю. Электричество не горит, вода не идет»), а с другой стороны, передают не состояние социального хаоса, а расстановку сил, сложившийся к моменту захвата власти: «Смольный охраняют 800 солдат и 30 пулеметов. Правительственные войска (юнкера и

ударники) развели Николаевский и Дворцовый мосты... На Неве стоят миноносцы. В 6 пришел В.А. Власть перешла в руки Совета. Многие министры арестованы, Керенский бежал. Б.Е. Шалаев видел, как на Невском проспекте разоружали юнкеров, охранявших Временное правительство» [20. С. 65].

В дальнейшем повествовании с опорой на другие документы рассказчик переходит к характеристике последующих событий и роли отца в них.

Вторая группа записей из дневников П. Лурье относится к 1918 г. и включает пять цитируемых записей (зима–осень) и две пересказываемых (весна–осень). Цитируемые записи приводятся выборочно и характеризуют бытовые обстоятельства существования: «Почти каждая запись в дневнике Павла в эту зиму начинается так: “Воды нет, электричество не горит”, “Трамваи не ходят”, “Хлебный паек уменьшен...”» [Там же. С. 73]. К этой группе относится и короткая запись от ноября 1918 г. «Эвакуация Перми. Скоро уезжаем. Кунгур взят белыми. Сильный мороз –30» [Там же. С. 100]. Эти записи не имеют точной датировки и, в отличие от записей первой группы, не выделяются в тексте курсивом.

Пересказываемые записи (эпизод в Ростове и характеристика Б. Куна) выполняют служебные функции как детали в характеристике социальной обстановки в Ростове («Павел записал в дневнике, что в три часа дня, когда он вместе с В. Трифоновым пошел в Палас-отель... там уже никого не было... У входа стояли швейцары и лакеи, ухмылялись: “Все удрали”») и фигуры Б. Куна.

Последняя цитируемая запись этой группы имеет точную датировку (11 ноября 1918 г.) и выделена курсивом. Она характеризует события в Германии и состояние общей эмоциональной эйфории по этому поводу: «На улицах манифестации по поводу германской революции. Перед концертом т. Ленин сообщил последние телеграммы. В Берлине войска восстали, власть перешла к Совету... В Баварии власть перешла к Советам. В Ковне германский солдатский Совет принял верховное командование Восточного фронта. По всей Украине восстания германо-австрийских войск, организуются Советы» [Там же. С. 98–99].

Третья группа записей из дневника охватывает ряд событий 1919 и 1920 гг.

Две записи (август–сентябрь 1919 г.) носят чисто информативный характер и сообщают о захвате Тамбова корпусом Мамонтова и о восстании Миронова, они не выделяются в основном тексте курсивом, но характеризуются рассказчиком: «Павел сделал запись шифром, ибо известие было ошеломляющим и тревожным, и многие, наверно, еще о нем не знали. “Корпус Мамонтова из Тамбова отправился к Козлову и взял его. Миронов, который формировал в Саранске казачью дивизию, поднял восстание”» [20. С. 119].

Две записи 1920 г. служебного характера упоминаются (о совместном отъезде Миронова и отца писателя из Москвы и приезде Троцкого в Козлов), и только последняя запись, связанная с судом над Думенко, выделена курсивом «Вечером был... на деле Думенко. Обвинителями выступали Колбановский и Белобародов. Защищали 2 адвоката и Знаменский (член РВС 10 армии). Мы ушли в 11 часов. Суд кончился в 3 часа ночи. Думенку, начштаба Абрамова... и еще двоих суд приговорил к расстрелу» [Там же. С. 119]. Эта запись снабжена комментарием рассказчика, размышлениями о фигуре Думенко и проблеме исторической справедливости.

По мере развития сюжета повести (до 1921 г.) дневники Павла уступают место другим документам и больше не включаются в повествование.

Таким образом, включение в текст документальной повести записей из личного дневника Павла Лурье выполняет несколько функций:

- 1) передает общее состояние социальной реальности или ее фрагмента (Ростов);

- 2) аргументирует логику развития того или иного социального процесса;

- 3) подтверждает факт, событие или их последовательность;

- 4) характеризует бытовое состояние повседневности;

- 5) передает эмоциональное состояние автора дневника и других людей.

Создается эффект личного свидетельства о времени, эпохе, отдельных людях как объективного и достоверного.

Еще одна функция дневниковых записей – они становятся толчком для постановки ряда проблем и авторской рефлексии над ними (искусство и время, проблема исторической справедливости), что расширяет смысловое поле документальной повести.

При этом в сюжете дневник Павла Лурье только косвенно связан с основной задачей – рассказать об участии и роли поколения отца (и лично своего отца) в революции и послереволюционных событиях. Дневник молодого человека не связан с представленными в повествовании основными этапами судьбы отца: с нравственным и социальным выбором отца, с верностью этому выбору в мыслях и поступках отца в разных ситуациях его жизни, с трагическим итогом судьбы, с общностью судеб тех, кто пришел в революцию во имя высоких нравственных целей. Все это определяет вспомогательное место личного дневника П. Лурье в документальной повести «Отблеск костра».

Значение открытого писателем фактического жизненного материала было велико, а его личная этическая позиция оказалась столь близка позициям героев книги, что автор документального расследования не сумел обрести необходимую для эстетического завершения позицию «вненаходимости». Герои завладели автором и не позволили ему разгадать их. «Это загадка, которая стоит многих загадок. Когда-нибудь ей найдут решение, и все, вероятно, окажется очень просто. Когда-нибудь!» [20. С. 45]. Именно этим объясняется эмоциональная доминанта авторского голоса – изумление перед величием духа этих людей, смешанное с восхищением и непониманием.

Привлекаемые документы давали факты исторического времени с одной стороны: дневник принадлежал частному сознанию, взгляд другой стороны социального конфликта отсутствовал, что делало уязвимой объективность позиции автора повести. Преодоление односторонности Ю. Трифонов предпринял в романе «Старик» (1978): «...конечно, “Старик” имеет предшественника, которым является книга “Отблеск костра”» [22. С. 684].

В художественном повествовании использование документа не предполагает, как писал М.М. Бахтин, предварительного осу-

щества в понимании «имманентного внеэстетического задания документа... во всей его полноте и samozаконности» [23. С. 129–130], поскольку эстетически законченная форма произведения может быть развернута только тогда, когда все в нем получает свой смысл только в связи с целым человеческой личности, реализуемым жанром. Жанровая семантика романа потребовала воплощения иной авторской установки – интереса к характеру, не фактографической достоверности событий, а достоверности создаваемого художественного образа, что определяет иные принципы использования личного дневника П.А. Лурье. Если в документальной повести «Отблеск костра» дневник П. Лурье был одним из документов, то в романе его документальный характер, в отличие от приводимых в «Старике» стенограмм, телеграмм из архива Летунова, «снят» автором, и записи П. Лурье «растворены» во внутренней речи главного героя как пережитые им события. В романе записи личного дневника субъективируются, из источника, подтверждавшего реальный статус происходящего в повести, превращаются в частный, субъективный опыт героя.

На уровне автора они становятся основанием для реконструкции эмоциональных, психологических, этических и прочих состояний персонажей, подчиняясь не фактографической, как в документальном повествовании, а художественной логике изображения характеров, отношений и событий, обусловленной авторским заданием: «...Юрий Валентинович рассказал, как в ходе работы преобразовывались и видоизменялись некоторые обстоятельства и действующие лица реальной жизненной драмы эпохи гражданской войны по мере того, как они воплощались в сюжетных линиях и картинах романа» [24. С. 232].

Это проявляется в построении образов различных героев романа. Так, годы жизни П.А. Лурье (1903–1973), личная биография (член КПСС с 1917 г., был арестован в 1937 г.) [25], образование (инженер, работал в институте «Теплопроект» в Москве) [26. С. 305], возможность увидеть внутреннюю жизнь человека через личный дневник определили и тип главного героя романа Павла Евграфовича Летунова, прототипом которого становится дядя писателя, о чем

свидетельствуют и сохранение имени прототипа Павел (семантика имени Павел – «небольшой», «маленький» – была важна и концептуально как характеристика положения частного человека, вовлеченного в катастрофические исторические события XX в.), и использование записей дневника 1913–1914 гг. В романе «Старик» это одно из первых развернутых воспоминаний Павла Евграфовича, в которых объективируются его положение в мире и характер взаимоотношений с Асей, Володей, членами семьи Игумновых.

Дополнительными сигналами совпадения становится целый ряд факторов: дневниковые записи о деятельности Павла Лурье в апреле 1917 г. и действия Павла Летунова в этот период в романе; дневниковые записи 1918 г. и бытовая атмосфера начала 1918 г. в романе.

Ср.: «Отблеск костра»: «...с боевым кронштадцем В. Панюшкиным он развозит брошюры и газеты, а его сосед по квартире В.А. Трифонов работает в Петроградском Совете...» [20. С. 52–53].

«Старик»: «С балтийским матросом Ганюшкиным продаю в Думе газету “Правда”» [27. С. 442].

«Отблеск костра»: «Воды нет, электричество не горит», «Трамваи не ходят», «Хлебный паек уменьшен...» [20. С. 73].

«Старик»: «Январь восемнадцатого. Только что объявили: хлебный паек уменьшен с трех восьмушек фунта до четверти. Я провел три часа на улице, сначала стоял за керосином, потом за хлебом. Воды нет. Трамваи не ходят» [27. С. 447].

В роман вводится материал дневниковых записей, не включенных в документальную повесть, о чем свидетельствует совпадение ряда характеристик из дневниковых записей П.А. Лурье, приведенных О.Р. Трифоновой-Мирошниченко в публикации «Из дневников и рабочих тетрадей» [19. С. 475–478]. Использование дополнительных дневниковых материалов продиктовано как необходимостью создания индивидуальных миров персонажей, так и жанровой семантикой романа с его установкой на освоение полноты реальности. Можно согласиться с мнением вдовы Ю. Трифопова: «Многое из этих дневников войдет в роман “Старик” – детали, приметы времени, погода. Бесценные для прозы подробности» [Там же. С. 475].

В отличие от повести, дневниковые записи активно участвуют в построении телесного образа персонажей, моделировании ряда эмоционально-нравственных коллизий и топосов (Ростов, Сиверская и др.). Так, образ Аси Игумновой строится на пересечении как минимум двух прототипов, одним из которых является Надежда Васильевна Миронова-Суетенкова («Трифонов под именем Аси более или менее точно описал Надежду Васильевну, как она выглядела в 60-е годы») [22. С. 474], а другим – «Оля (кажется, Мордвинова), в которую был влюблен гимназист Павлик Лурье. В романе “Старик” он назовет ее Асей...» [19. С. 478].

Если в документальном повествовании автор сохраняет хронологическую верность последовательности дневниковых записей, то в «Старике» эта последовательность разрушается и заново организуется на других основаниях: она подчиняется логике самораскрытия характера Павла Летунова, поэтому в романе нет четкой хроникальной последовательности в его воспоминаниях, фактический материал дневников выстраивается логикой самораскрытия характера и достраивается самоанализом героя.

То, что было для автора документального повествования в «Отблеске костра» достоинством дневника («Он писал каждый день, очень сухо, по-деловому, ибо, к счастью, не обладал склонностью к литературе»), в романе преодолевается экзистенциальной постановкой героя (на краю жизни), позицией персонажа (воспоминание, а не фиксация событий), расширением кругозора (включением частной жизни), изменением модальности восприятия (рефлексия, эмоциональная оценка). Записи личного дневника трансформируются, приобретая, в отличие от повести, черты собственно личных записей с интимностью высказывания и исповедальностью. В новом контексте они входят в состав основных авторских нравственно-философских тем романа и подчиняются их развитию.

Вместе с этим в романе сохраняется семантика первых дневниковых записей, включенных в документальную повесть (картина наступившего социального хаоса, в котором никто не знает, как следует поступать): «А первые дни – март, пьяная весна, тысячные толпы на мокрых, в раскисшем снегу петроградских проспектах...

И полная свобода от всего, от всех! В школу можно не ходить, там сплошные митинги, выборы, обсуждение «школьной конституции»...» [27. С. 437]; «А в марте ничего, кроме бесконечного бега, толпы, перестрелок, новостей ужаса и восторга. Все орлы на решетках дворца обмотаны красной материей. Повсюду красные флаги. На крепости тоже красный флаг. У департамента полиции горят бумаги, улица усыпана пеплом» [Там же. С. 438].

Таким образом, в романе «Старик» записи личного дневника П. Лурье, с одной стороны, сохраняют свое семантический потенциал как конкретные приметы времени, а с другой стороны, меняют конфигурацию и обретают иные функции, «эстетическую структурность» (Л.Я. Гинзбург), становясь основой для создания как телесного образа персонажей, психологического, нравственно-эмоционального состояния главных героев романа, так и ряда пространственных образов и топосов. Фокус авторского внимания смещается с характера записей на состояние, в котором они сделаны, т.е. на личность автора дневниковых записей, что позволяет использовать личный дневник как прототипную основу в создании характера. Возникающие при этом смысловые «зазоры» между дневниковыми записями позволяют автору-демиургу с помощью творческого воображения преодолеть хроникальность и фактографичность записей личного дневника, превращая их в органический элемент художественного мира романа.

Литература

1. Кардин В. Обретение: литературные портреты. М. : Худож. лит., 1989. 398 с.
2. Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности : очерки документ. лит. М. : Сов. писатель, 1981. 430 с.
3. Бальбуров Э.А. Поэтика лирической прозы (1960–1970-е). Новосибирск : Наука, 1985. 132 с.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. М. : Академия, 2003. Т. 1: 1953–1968. 413 с.
5. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л. : Сов. писатель, 1971. 464 с.
6. Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма : в 2 т. М. : Наука, 1971. Т. 1. С. 385–422.

7. Палиевский П.В. Документ в современной литературе // Палиевский П.В. Литература и теория. М. : Сов. Россия, 1979. С. 128–173.

8. Явчуновский Я.И. Документальные жанры : образ, жанр, структура произведения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 232 с.

9. Затонский Д.В. Роман и документ, или Двойкие последствия информационного взрыва // Затонский Д.В. Художественные ориентиры XX века. М. : Сов. писатель, 1988. С. 137–170.

10. Литература и документ: теоретическое осмысление темы. URL: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения: 04.12. 2018).

11. Каспэ И.М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х годов. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 48 с.

12. Иванова Н. Русский крест. Литература и читатель в начале нового века. М. : Время, 2011. 380 с.

13. Местергази Е.Г. Литература non-фикшн / non-fiction : экспериментальная энциклопедия : русская версия. М. : Совпадение, 2007. 325 с.

14. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. URL: <https://lit.wikireading.ru/20830> (дата обращения: 12.11.2018).

15. Зализняк А. Дневник: к определению жанра. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 21.10.2018).

16. Рабенко Т.Г. Речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале жанра «личный дневник») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 26–31.

17. Бугрова Н.А. Роман Ю.В. Трифонова «Старик»: творческая история. Поэтика. Литературные традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/roman-yu-v-trifonova-starik-tvorcheskaya-istoriya-poetika-literaturnye-traditsii> (дата обращения: 29.09. 2018).

18. Казимагомедова Р.И. Документальное начало в прозе Ю. Трифонова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/dokumentalnoe-nachalo-v-proze-yuriya-trifonova> (дата обращения: 14.09.2018).

19. Трифонов Ю.В. Из дневников и рабочих тетрадей // Трифонов Ю.В. Дом на набережной. М. : ЭКСМО-пресс ; ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 159–598.

20. Трифонов Ю.В. Отблеск костра // Трифонов Ю.В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 4. С. 7–144.

21. Магд-Соэл К. де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 240 с.

22. Шитов А.П. Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке (1925–1981). М. : Новый хронограф, 2011. 923 с.

23. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.

24. Окланский Ю.М. Юрий Трифонов: портрет-воспоминание. М. : Сов. Россия, 1987. 240 с.

25. Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/index.php?title=Лурье_Павел_Абрамович_\(1903\)&action=edit](https://ru.openlist.wiki/index.php?title=Лурье_Павел_Абрамович_(1903)&action=edit) (дата обращения: 27.01.2019).

26. Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал : некрополь Новодевичьего кладбища. М. : ПроPILEн, 1995. 431 с.

27. Трифонов Ю.В. Старик // Трифонов Ю.В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 409–606.

A Personal Diary in the Structure of Documentary and Literary Narration: *Otblesk Kostra* and *Starik* by Yu. Trifonov

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 20, pp. 35–54.

DOI: 10.17223/23062061/20/4

Vyacheslav A. Sukhanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: slsuh@mail.ru

Keywords: Yu. Trifonov, personal diary, documentary, fiction, author's mission, genre semantics.

In his documentary tale *Otblesk kostra* [Fireglow] (1965) and novel *Starik* [The Old Man] (1978) Yuri Trifonov resorts to his uncle P.A. Lurie's personal diary entries of 1914–1921. In his tale, the author aims to combine the epic and the individual in the structure of documentary narration. This determines the necessity to introduce a multitude of documents into the text, and a personal diary is one of the 22 types of documents Trifonov used. This case allows addressing the issue of a personal diary functioning in documentary narration both alongside and in comparison with other documentary inclusions as well as establishing the role of a personal diary in the modeling of the historical polyphony of the previous age. Trifonov finds Lurie's personal diary highly important as an evidence of a witness, a chronicler who impartially records events in their authenticity and objectivity. By this matter, a diary is opposed to other reminiscences in the overall concept of the tale. There are several functions of personal diary entries: describing the overall condition of the social reality or its part (Rostov); giving grounds for the logic of a certain social process development; proving a fact, an event or its sequence; depicting the living conditions of a daily routine; expressing the author's and others' emotional state.

On the one hand, in the novel *Starik*, Lurie's personal diary entries preserve their semantic potential as precise features of the time. On the other hand, though they change their configuration gaining some new functions and becoming a basis for the characters' corporeal image and psychological, moral and emotional states. Trifonov moves his focus from entries' nature to their author's personality, his state of mind at the moment of writing. It allows using a personal diary as a prototype basis to create this very personality. The occurring semantic gaps between diary entries allow the demiurge author, with the help of creative imagination, to overcome the chronicity of the personal diary entries' and their factual nature and turn them into an inherent element of the novel's literary world. The composition succession of diary entries in *Starik* is destroyed and reformed on other grounds: it follows the logic of personality's self-exposure and is completed with self-analysis of the main character Pavel Letunov. The factual nature

of diary entries in the novel is overcome by the character's existential position, his attitude (reminiscence rather than capturing the events), expansion of horizons (inclusion of private life), changing the modality of perception (reflection, emotional evaluation). Personal diary entries are transformed. Unlike the tale, they acquire features of personal entries with their intimacy of statement and confessional nature. In the new context, they are included in the main range of the author's moral-philosophic themes of the novel and submit to their evolution.

References

1. Kardin, V. (1989) *Obretnenie: Literaturnye portrety* [Acquisition: Literary portraits]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Yanskaya, I.S. & Kardin, E.V. (1981) *Predely dostovernosti. Ocherki dokumental'noy literatury* [Limits of authenticity. Essays on documentary literature]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
3. Balburov, E.A. (1985) *Poetika liricheskoy prozy (1960–1970-e g.)* [Poetics of lyrical prose (the 1960–1970s)]. Novosibirsk: Nauka.
4. Leiderman, N.L. & Lipovetsky, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: the 1950–1990s]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
5. Ginzburg, L.Ya. (1971) *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
6. Palievsky, P.V. (1971) Rol' dokumenta v organizatsii khudozhestvennogo tselogo [The role of the document in the organization of an artistic whole]. In: Gey, N.K., Dragomiretskaya, N.V., Myasnikov, A.S. et al. (eds) *Problemy khudozhestvennoy formy sotsialisticheskogo realizma* [Problems of the artistic form of socialist realism]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 385–422.
7. Palievsky, P.V. (1979) *Literatura i teoriya* [Literature and theory]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 128–173.
8. Yavchunovsky, Ya.I. (1974) *Dokumental'nye zhanry. Obraz, zhanr, struktura proizvedeniya* [Documentary genres. Image, genre, structure of the work]. Saratov: Saratov State University.
9. Zatonsky, D.V. (1988) *Khudozhestvennyye orientiry XX veka* [Artistic landmarks of the twentieth century]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 137–170.
10. Palievsky, P.V. (2008) *Literatura i dokument: Teoreticheskoe osmyslenie temy* [Literature and document: Theoretical understanding of the theme]. [Online] Available from: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy>. (Accessed: 4th December 2018).
11. Kaspe, I.M. (2010) *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost' v russkoy literature 2000-kh godov* [When things are said: a document and documentary in Russian literature of the 2000s]. Moscow: HSE.
12. Ivanova, N. (2011) *Russkiy krest. Literatura i chitatel' v nachale novogo veka* [The Russian Cross. Literature and the reader at the beginning of the new century]. Moscow: Vremya.

13. Mestergazi, E.G. (2007) *Literatura non-fikshn/non-fiction: eksperimental'naya entsiklopediya: russkaya versiya* [Non-fiction literature: experimental encyclopedia: a Russian version]. Moscow: Sovpadenie.

14. Egorov, O.G. (n.d.) *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/20830>. (Accessed: 12th November 2018).

15. Zaliznyak, A. (2010) *Dnevnik: k opredeleniyu zhanra* [Diary: on the definition of the genre]. [Online] Available from: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2010/106/za14.html>. (Accessed: 21st October 2018).

16. Rabenko, T.G. & Lebedeva, N.B. (2017) A speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the genre "private diary"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 26–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/4

17. Bugrova, N.A. (2004) *Roman Yu.V. Trifonova "Starik": tvorcheskaya istoriya. Poetika. Literaturnye traditsii* [Yu.V. Trifonov's "The Old Man": a creative story. Poetics. Literary traditions]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/roman-yu-v-trifonova-starik-tvorcheskaya-istoriya-poetika-literaturnye-traditsii>. (Accessed: 29th September 2018).

18. Kazimagomedova, R.I. (2012) *Dokumental'noe nachalo v proze Yu. Trifonova* [Documentary nature of Yu. Trifonov's prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/dokumentalnoe-nachalo-v-proze-yuriya-trifonova>. (Accessed: 14th September 2018).

19. Trifonov, Yu.V. (2000) *Dom na naberezhnoy* [The House on the Embankment]. Moscow: EKSMO-press, EKSMO-MARKET. pp. 159–598.

20. Trifonov, Yu.V. (1987a) *Sobranie sochineniy: v 4-kh t.* [Collected Works: In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–144.

21. Magd-Soep, K.de (1997) *Yuriy Trifonov i drama russkoy intelligentsia* [Yuri Trifonov and the drama of the Russian intelligentsia]. Translated from English. Ekaterinburg: Ural State University.

22. Shitov, A.P. (2011) *Vremya Yuriya Trifonova: chelovek v istorii i istoriya v cheloveke (1925–1981)* [The Time of Yuri Trifonov: Man in History and History in Man (1925–1981)]. Moscow: Novyy khronograf.

23. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creation]. Moscow: Iskusstvo.

24. Oklyansky, Yu.M. (1987) *Yuriy Trifonov: Portret-vospominanie* [Yuri Trifonov: Portrait-memory]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

25. Openlist.wiki. (n.d.) *Otkrytyy spisok* [The Open List]. [Online] Available from: [https://ru.openlist.wiki/index.php?title=Lur'e_Pavel_Abramovich_\(1903\)&action=edit](https://ru.openlist.wiki/index.php?title=Lur'e_Pavel_Abramovich_(1903)&action=edit). (Accessed: 27th January 2019).

26. Kipnis, S.E. (1995) *Novodevichiy memorial. Nekropol' Novodevich'ego kladbishcha* [Novodevichiy memorial. Necropolis of the Novodevichy cemetery]. Moscow: Propilei.

27. Trifonov, Yu.V. (1987) *Sobranie sochineniy: v 4-kh t.* [Collected Works: In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 409–606.